

О.В. Ильина, Д.Н. Коньшев

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ В 1939–1959 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Рассматриваются основные демографические процессы в северной деревне и влиявшие на них факторы: Великая Отечественная война и связанная с ней массовая гибель людей, а также отношение государства к деревне и уровень жизни крестьянства в послевоенное время. Во внимание принимаются такие демографические показатели, как соотношение полов, миграция из села в город, количество трудоспособного населения деревни, соотношение числа городских и сельских жителей. Демографические изменения приводятся на фоне анализа аграрной политики государства, увеличения трудовой нагрузки на крестьянство, изменений в деревне в период оттепели.

Ключевые слова: крестьянство; деревня; трудовые ресурсы; демография; население.

1939 и 1959 гг. являются двумя своеобразными рубежами, отражающими изменения состава населения Советского Союза, обусловленными проведением всесоюзных переписей населения, зафиксировавших основные демографические показатели накануне Великой Отечественной войны и по итогам первых послевоенных лет. Вологодская и Кировская области – это соседние, схожие по природным и климатическим условиям территории, население которых в данный период времени было преимущественно крестьянским. Изучаемые области не были непосредственно охвачены военными действиями и представляли тыловые регионы (за исключением Оштинского района Вологодчины), что ставило их население в более выгодные условия по сравнению с оккупированными районами.

Проблема изучения демографических процессов деревни относится к одной из представленных в историографии как на всероссийском уровне, так и на примере отдельно взятых регионов. Относительно работ советского периода всероссийского и всесоюзного уровня можно выделить издание «Советская деревня в первые послевоенные годы» [1], труды по истории советского крестьянства [2, 3], а также монографию А.В. Арутюняна [4].

В 1990–2000-е гг. тема получила дальнейшее развитие в трудах на материалах всероссийского уровня. В.А. Исупов обозначил проблему демографических кризисов и катастроф, их причин и последствий [5]. В.Б. Жиромская рассмотрела специфику российской демографической модернизации в XX в. и факторы, оказавшие влияние на нее [6]. О.М. Вербицкая проанализировала историю российского крестьянства в переходный период после войны и до начала оттепели [7]. Ей же были изучены изменения в численности и составе населения российской деревни между двумя переписями населения [8]. В.Ф. Зима проанализировал демографические изменения, связанные с голодом 1946–1947 гг. [9]. Л.Н. Денисова дала характеристику основных элементов повседневной жизни сельских женщин [10].

Демографическое развитие села привлекает внимание исследователей и на региональном уровне. Проблемы развития поселений, трансформации поселенческой сети и урбанизации российской деревни на примере Уральского региона содержатся в работах

Л.Н. Мазур [11]. Г.Е. Корниловым на материалах Урала проанализировано миграционное движение населения в первой половине XX в., в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенные годы [12, 13]. Вопросам урбанизации и миграции из села в город в рамках регионов Центральной России посвящена монография О.В. Горбачева [14].

Изучению крестьянства на материалах Европейского Севера России, к которому традиционно относятся Вологодскую и Архангельскую области, а также Республику Коми, значительное место уделяется в работах О.В. Ильиной [15], Л.В. Изюмовой [16], Д.В. Милохина [17]. Демографические показатели вятской деревни анализируются в публикациях Н.В. Чернышевой [18]. Характеристике трудовых ресурсов села в рамках Волго-Вятского региона посвящены статьи Д.Н. Коньшева [19, 20]. Важным обобщающим этапом исследования демографического развития российской деревни стало издание сборника трудов по итогам очередной сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в сентябре 2016 г. [21].

Исследователи, занимающиеся изучением демографических процессов России и СССР в XX в., характеризуют демографическую ситуацию в стране, используя термины «демографический переход», «демографический кризис» и «демографическая катастрофа». Согласно В.Б. Жиромской, под демографическим переходом следует понимать «переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения», причем его развитие связано с изменением типов смертности и рождаемости [6. С. 10]. Демографическая катастрофа определяется В.А. Исуповым как мощное и кратковременное событие, грубое и неожиданное повышение смертности, в то время как демографический кризис трактуется им как растянутое во времени значительное сокращение естественного прироста вплоть до отрицательных величин вследствие снижения рождаемости [5. С. 9]. А.Г. Вишневский определяет кризис как «характеристику внутреннего состояния общества, напряженности противоречий, возникающих вследствие рассогласования его основ» [22. С. 24].

В 1939 г. РСФСР оставалась республикой с преимущественно сельским населением – на селе проживали 72 522 000 чел., а в городах только 36 875 000 чел. (в 2 раза меньше). В Кировской области в деревне

проживало 1 891 863 чел. (или 85% от общей численности населения области), в Вологодской – 1 373 944 чел. (или 82,7%) [23. С. 22–24]. Таким образом, доля сельского населения в Вологодской и Кировской областях была выше, чем в целом по РСФСР. Большинство крестьян являлись членами колхозов. Так, по Кировской области к 1940 г. уровень коллективизации составлял 96,6% [24. Л. 155], что устанавливало для большинства жителей деревни особый статус колхозного крестьянина, определяемого совокупностью его прав и обязанностей, обозначенных в Уставе сельскохозяйственной артели.

1939 г. в силу стечения различных обстоятельств может рассматриваться как рубежный при анализе демографических показателей еще и потому, что к этому времени успели сказаться последствия коллективизации и связанной с ней перестройки аграрного производства в соответствии с новыми условиями. Деревня получила мирную передышку на несколько лет по причине отсутствия вооруженных конфликтов, проблем по получению низких урожаев и голода. Фактором, благоприятно повлиявшим на демографическую обстановку, стало запрещение абортов в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. [25].

В 1940 г. негативным для демографической ситуации фактором стала советско-финская война, в ходе которой произошло увеличение гибели взрослого мужского населения. По разным оценкам, общие безвозвратные потери СССР в ней оцениваются от 95 348 до 126 875 чел. [26. С. 211]. Однако вычленить количество погибших в данном конфликте отдельно по регионам затруднительно в силу отсутствия обобщенных данных о месте жительства до отправки на фронт погибших солдат и офицеров.

Беспрецедентным фактором, вылившимся в демографическую катастрофу, стала Великая Отечественная война, повлекшая массовую гибель населения. Поскольку к 1941 г. страна являлась преимущественно сельской, то закономерным стал крестьянский характер армии. В соответствии с законом СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» все мужчины с 18 лет, а при наличии среднего образования с 19 лет, подлежали призыву в армию на срок от 2 до 4 лет. Преимущественный призыв из села по сравнению с городом был определен отсутствием у основной массы крестьян высокого уровня образования или специальной квалификации, которые давали право на так называемую бронь, освобождавшую от отправки на фронт. С точки зрения О.М. Вербицкой, армия на 70% состояла из крестьян [8. С. 43].

За время Великой Отечественной войны в СССР было мобилизовано 29 574,9 тыс. чел. [27. С. 410]. Мобилизация охватила 332 тыс. жителей Вологодской области [28. С. 5] и 585 тыс. жителей Кировской области [29. С. 393].

Каналом восполнения выбывших на фронт людей в годы войны было размещение в тыловых регионах эвакуированного населения. При эвакуации в Кировскую область приоритет при распределении трудоспособного населения отдавался промышленности и городам: за 1941–1943 гг. общая численность населения

Кировской области уменьшилась на 222 тыс. чел., при увеличении в городах и рабочих поселках на 127,5 тыс. и уменьшении на селе на 349 тыс. чел. [30. Л. 1].

За период 1941–1943 гг. в Вологодской области на временное жительство было размещено около 165 тыс. чел., большинство эвакуированных (около 91%) было распределено в деревне [15. С. 23]. Эвакуировали в тыл в первую очередь стариков, детей и женщин, что не позволяло восполнить нехватку мужских рабочих рук в сельской местности.

Несмотря на проблему с трудовыми ресурсами села, государство в условиях необходимости обеспечения фронта продовольствием увеличивает трудовую нагрузку на оставшихся в деревне работников. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. для колхозников центральных нечерноземных и северных районов был установлен минимум 100 трудодней, в прочих регионах – 120 трудодней; подростки 12–16 лет должны были выработать половину взрослой нормы – 50 трудодней за год [31].

С повышенными нормами выработки колхозное население не справлялось, что было обусловлено, с одной стороны, увеличением посевных площадей, а с другой – снижением механизации сельскохозяйственных работ. Меры административного нажима на колхозников, не выработавших трудодни (исправительно-трудовые работы в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием до 25% оплаты труда в пользу колхозов и возможность лишения права колхозника на приусадебный участок) не могли изменить ситуацию. В 1945 г. 10% трудоспособных колхозников Кировской области не выработали необходимый минимум трудодней [32. Л. 10–11], в то время как в 1939 г., по данным статистических обследований, цифра не выработавших минимума была около 5% [24. Л. 35].

Сокращение трудовых ресурсов села сказалось на сельскохозяйственном производстве в разгар войны: уменьшаются площади сенокосов и пашни. Так, в 1941 г. по всем категориям хозяйств Кировской области посевов различных культур насчитывалось 2243,7 тыс. га, в 1943 г. – 1912,6 тыс. га [33. Л. 32]. В 1942 г. зернофуража для колхозов по Кировской области выделено в 4 раза меньше уровня 1940 г. Основным кормом скота в большинстве колхозов становилась солома.

Ухудшенная агротехника, запоздалый сев, выдувание посевов, слабое развитие озимых, недостаток семян и их ненадлежащее качество привели к тому, что в 1943 г. валовый сбор зерновых культур составил только половину довоенного времени. Первые три военных года развитие сельского хозяйства во многом продолжалось по инерции, за счет прежних «запасов», надлом в результате войны сказался не сразу – он стал ощутим к 1944 г., когда начинается резкое сокращение аграрного производства.

К концу войны деревня оказалась безлюдной. Общее число погибших на фронте за годы войны составило более 180 тыс. чел. в Вологодской области [28. С. 5] (около 11% общей численности населения региона до войны), в Кировской области – около 250 тыс. чел. [28. С. 393] (около 10% населения).

С 1940 по 1945 г. население деревни Вологодской области сократилось с 892,8 до 692,8 тыс. чел. (на

22,4%) [34. Л. 1], Кировской – с 1 млн 891,9 тыс. до 1 млн 346 тыс. чел. (на 29%) [35. Л. 44]. Уменьшение как общего числа населения, так и жителей села по данным регионам носило сопоставимый характер.

В общем составе сельских жителей резкое сокращение приходится на группу трудоспособного населения, которое уменьшилось в Вологодской области с 442,1 до 272,4 тыс. чел. (или на 38%) [34. Л. 1], в Кировской области с 776,3 до 448,2 тыс. чел. (или на 43%) [30. Л. 10–11]. Снижение числа жителей деревни отражало общегосударственную тенденцию, когда (по разным подсчетам) по стране оно составило от 32,5% [36. С. 60] до 37% [37. С. 13]. Всего по стране за время войны, по подсчетам О.М. Вербицкой, число колхозного крестьянства уменьшилось на 11,4 млн чел. [6. С. 80].

Уменьшение числа колхозников, находившихся в трудовом возрасте, продолжается в деревне и после окончания войны. Если в 1950 г. в вятской деревне насчитывалось 423 тыс. трудоспособных колхозников, то в 1953 г. – уже только 335,8 тыс. чел., что влияло на уменьшение общего трудового вклада: общая годовая выработка трудодней по региону уменьшилась со 165,1 до 146,9 млн при одновременном росте количества членов колхозов, не выполнявших плана по трудодням с 12,6 до 17,4 тыс. чел. [32. Л. 10–11].

В одном из писем на имя Н.С. Хрущева житель Вологодской области в 1953 г. отмечал: «...если раньше здесь было трудно с рабочей силой, то сейчас некому работать ни в полях, ни на фермах. Колхозы не справляются с планами, землю ковыряют кое-как, не получая хлеба, скот держат полуголодным, не получая от него хороших доходов. Причины ухода молодежи из колхозов понятны. Колхозная молодежь не похожа на старую крестьянскую молодежь. Она к земле не привязана. Она хочет жить хорошо и культурно, ищет приличного заработка, чтобы одеться. Между тем в большинстве колхозов нашей области выдают мизерный трудодень, особенно мало денег (копейки). Ясно, что такая оплата труда молодежь не удержит. Но родители и сами не разрешают своим детям работать в колхозах, они отсылают их в город. Мне пришлось раз ночевать у одного колхозного коммуниста. Посмотрел, как он живет. Еда плохая. Одежда на нем рваная. Рванье висит и на вешалке. Спит на соломенном тюфяке, никаких простыней и наволочек. В хате нет никаких сундуков, которые бы дали повод думать, что у этого коммуниста есть что-либо еще, чего не видишь в комнате. Из разговоров узнал, что сын его недавно демобилизован из армии и теперь работает в городе. Спрашиваю: “почему сын не с Вами?” Человек признался, что он сам велел ему устраиваться в городе, чтобы помогал отцу деньгами. Сын присылает родителям в месяц 100 рублей. На эти деньги папаша покупает табак, соль, спички и оплачивает сельскохозяйственный налог. Колхоз на трудодни денег выдать не может, малы доходы. Таких случаев очень много. Из многих колхозов столько ушло людей, что такие колхозы надолго утратили перспективы серьезного развития. Даже механизация здесь быстро не поможет, ибо для ее освоения нужны колоссальные предварительные работы на лугах и

полях, заросших кустарником и заболоченных» [38. Л. 79–81].

Важным фактором, который влиял на численность населения в сельской местности, была государственная политика по укрупнению колхозов. Целями таких мер было обеспечение приоритетного развития крупного сельскохозяйственного производства, которое виделось руководству страны со всех сторон лучше и перспективнее мелкого. По мнению властей, укрупнение хозяйств позволило бы ликвидировать малодворные (до 15 дворов) деревни, создать крупные пахотные массивы, уменьшить расходы на административно-управленческий персонал, повысить уровень мелких отсталых хозяйств до передовых. Между тем около половины вятских коллективных хозяйств в 1940-е гг. включали в себя до 30 дворов – 45,4%, еще 41,7% хозяйств включали от 31 до 60 дворов [39. Л. 5]. В среднем по РСФСР на 1 января 1949 г. на один колхоз приходилось 65 наличных дворов, объединяющих 99 трудоспособных колхозников, вырабатывающих 28,2 тыс. трудодней, и 683 га пахотной земли. По СССР средний размер колхозов на эту дату составлял 81 двор, включавших в среднем 124 трудоспособных, вырабатывавших ежегодно 34 тыс. трудодней. Около половины хозяйств страны включали в свой состав более 60 дворов [39. Л. 9, 19–20].

Объединение хозяйств началось еще до войны: за 1940–1941 гг. в Кировской области общее число колхозов уменьшилось на 3 354 колхоза [40. Л. 148]. Данная политика продолжалась и позднее. Например, министр сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктов в своей записке в Совет министров СССР на имя Г.М. Маленкова так обосновывал необходимость объединения хозяйств: «Учитывая, что наличие мелких колхозов в ряде областей и республик препятствует использованию преимуществ общественного колхозного труда, внедрению механизации и сдерживает рост общественного колхозного хозяйства, Министерство сельского хозяйства СССР считает, что в настоящее время следует обсудить вопрос об укрупнении мелких колхозов путем объединения их и разработать практические мероприятия по проведению в каждой области укрупнения, где есть большое количество мелких колхозов» [40. Л. 54].

В результате укрупнения средний размер колхозов неуклонно возрастал: на 1953 г. по РСФСР в среднем на один колхоз приходилось 172 двора, на 1958 г. – 225, а на начало 1962 г. по РСФСР на один колхоз приходилось уже в среднем 349 дворов колхозника и 610 га сельскохозяйственных угодий [41. Л. 2]. Укрупнение хозяйств происходило достаточно быстро: на 1 января 1950 г. по Кировской области было 2 453 колхоза, а на 1 января 1951 г. – уже около 800 колхозов [42. Л. 3]. В Вологодской области на 1 января 1950 г. существовал 5 281 колхоз, а на 1 октября того же года – 1 660 колхозов [43. Л. 51]. Простое объединение хозяйств не могло решить проблемы колхозов и вывести их в лидеры. По данным Министерства сельского хозяйства РСФСР на январь 1959 г., по 55 регионам республики местные власти считали экономически слабыми 25,5% от общего числа хозяйств [44. Л. 2].

Данные меры влекли за собой преимущественное выбытие рабочей силы именно из крупных колхозов, имевших значительное количество земельных наделов и, как следствие, увеличение трудовой нагрузки на одного трудоспособного: если в среднем по Кировской области на одно хозяйство приходилось 332 га пашни, то на один крупный колхоз – 503 га, в среднем на одного трудоспособного колхозника приходилось 6,5 га пашни, то в крупных хозяйствах – около 18,8 га. В 1948 г. по Кировской области колхозы покинули 21,6 тыс. трудоспособных колхозников, в 1949 г. – 39,5 тыс. [45. Л. 56–57] К концу 1940-х гг. по данному региону в 64,9% всех колхозов на одного наличного трудоспособного колхозника приходилось свыше 5 га пашни, в 29,2% хозяйств – от 2,6 до 5 га [46. Л. 6].

Как во время Великой Отечественной войны, так и после ее окончания и завершения демобилизации, мощным фактором, оказывавшим влияние на демографические процессы, связанные с изменением численности населения, его половозрастного состава, соотношения жителей села и города, являлось миграционное движение. Каналами миграции после войны из северной деревни были организованные наборы в промышленность, на восстановление районов, разрушенных войной, переселение в районы Дальнего Востока. Важным направлением была миграция из села в город. Если в целом городское население с 1 января 1941 г. по 1 января 1945 г. уменьшилось на 13%, то сельское население за этот же период убыло на 23% [47. С. 277].

Безусловно, переезд из деревни в город в данный период сдерживался административными ограничениями, такими как паспортная система и отсутствие у крестьян паспортов, наличием института разрешительной прописки со стороны властей. Тем не менее в силу не просто неблагоприятного, а бедственного положения деревни, селяне всеми путями стремились уехать в город. И такими путями были призыв в армию, переселенческая политика государства, переход по организованному государством набору в промышленность. По данным исследователей, к 1958 г. в целом по РСФСР доля мужчин в колхозном производстве составляла только 25,5%, женщин – 43,5%, нетрудоспособных и престарелых – 20,5%, подростков – 5%, еще 5,5% колхозников работали вне колхоза [48. С. 209]. По подсчетам Н.С. Иванова, за 1945–1958 гг. по РСФСР без разрешения правлений колхозов выбыло 1 млн 688 тыс. крестьян, из них 443 тыс. из колхозов Нечерноземья [49. С. 423].

Е.Ю. Зубкова отмечает и такой фактор миграции из деревни после войны, как меры властей по экономии продовольствия. В результате принудительных хлебозаготовок и уменьшения числа лиц, которым гарантировались хлебные карточки, рабочие продолжали получать гарантированный паек в отличие от крестьян [36. С. 76]. В 1949 г., по данным обследования властей в Кырчанском районе Кировской области, часть колхозников высказывали «настроения, что трудовая дисциплина в колхозе плохая, на сенокос выходят не все колхозники, урожай ржи низкий, яровые растут плохо, надежды на получение хлеба на трудодни нет, поэтому надо уезжать из колхоза» [50. Л. 30].

Способствовало уменьшению числа крестьян и преобразование колхозов в совхозы, члены которых уже не считались крестьянами, а имели статус сельскохозяйственного рабочего. За 1954–1960 гг. – своеобразный «пик» такого преобразования – по РСФСР было создано 9 673 совхоза [51. Л. 29].

В 1950-е гг. власти пытались ограничить миграцию административными методами. Так, в 1953 г. последовало представление прокуратуры на имя Председателя Совета министров Г.М. Маленкова о неясности статуса члена колхоза в части права колхозников на выход из него: «Вопрос о добровольности членства в колхозе нашим законодательством по существу не разрешен и в этом вопросе имеется много неясного как для органов прокуратуры и суда, так и для местных органов власти» [52. Л. 70–71], вследствие чего многие руководители стремились ограничить отпуск колхозников из колхоза. Однако, несмотря на все административные ограничения, переселение из деревни продолжалось.

В 1959 г. по сравнению с 1939 г. в изучаемых регионах общее количество населения уменьшилось: в Вологодской области с 1 661 285 чел. в 1939 г. до 1 307 531 чел. в 1959 г. (меньше на 21,3%), в Кировской – с 2 226 193 до 1 916 493 чел. соответственно (меньше на 14%) (рассчитано по: [23. С. 23–24; 53. С. 24–25]). По сельскому населению динамика убыли была большей, чем по городскому населению. В Вологодской области в 1939 г. на селе проживали 1 373 944 чел. и 854 635 чел. в 1959 г. (уменьшение на 33%). В Кировской области в 1939 г. было 1 891 863 чел. селян, а в 1959 г. только 1 212 538 (уменьшение на 36%). По итогам четырнадцати лет послевоенного развития фактически по двум тыловым регионам общие демографические потери, связанные с Великой Отечественной войной, оказались невосполнимыми.

В целом на рубеже 1950–1960-х гг. в РСФСР произошел так называемый демографический переход и доля городского населения стала превышать долю сельского населения, общество окончательно стало индустриально-аграрным. К концу Великой Отечественной войны трудовые ресурсы северной деревни оказались исчерпанными, последующее послевоенное развитие не смогло их восполнить. Северная деревня находилась в более неблагоприятных демографических условиях, чем город. Это было связано как с объективными факторами исторического развития (естественная урбанизация, потери в годы войны), так и с мерами государственной политики по отношению к деревне. Миграция крестьян из деревни и переход рабочих рук из сельского хозяйства в другие сферы не совпали с повышением производительности труда в аграрном секторе экономики, что позволило бы компенсировать нехватку рабочих рук на селе. А это, в свою очередь, не могло не сказаться на общем состоянии деревни и решении продовольственного вопроса. К концу 1950-х гг. в целом по РСФСР и по изучаемым регионам общая численность населения не достигла показателей довоенного уровня, причем для населения села была характерна убыль, в то время как число жителей городов возрастало. Преимущественно

крестьянский состав рассматриваемых регионов одновременно с уменьшением количества жителей села предопределял общую демографическую ситуацию на уровне РСФСР и в рамках Вологодской и Кировской

областей. Сложившаяся в данный период демографическая ситуация во многом предопределила нехватку трудовых ресурсов, а вместе с ним и будущий вектор развития советской деревни и ее кризис.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская деревня в первые послевоенные годы 1946–1950 / И.М. Волков, Б.И. Ноткин, Ю.П. Денисов. М. : Наука, 1978. 511 с.
2. История крестьянства СССР. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов. М. : Наука, 1988. Т. 4. 395 с.
3. Советское крестьянство: краткий очерк истории (1917–1969) / под ред. В.П. Данилова. М. : Политиздат, 1970. 508 с.
4. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1970. 466 с.
5. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
6. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М. : Кучково поле, Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.
7. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М. : Наука, 1992. 224 с.
8. Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг.: Проблемы демографического развития. М. : Институт российской истории РАН, 2002. 318 с.
9. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг. : происхождение и последствия. М. : Институт Российской истории РАН, 1996. 265 с.
10. Денисова Л.Н. Русская крестьянка в советской и постсоветской России. М. : Новый хронограф, 2011. 528 с.
11. Мазур Л.Н., Бродская Л.И. Эволюция сельских поселений среднего Урала в XX веке : опыт динамического анализа. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 564 с.
12. Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 48–57.
13. Корнилов Г.Е. Демографическая ситуация в Уральской деревне в послевоенные годы // Население России: историко-демографическое измерение. М. : Институт российской истории РАН, 2016. С. 196–202.
14. Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М. : Изд-во МПГУ, 2002. 158 с.
15. Ильина О.В. Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. Вологда : Изд-во ВГПУ, 2011. 122 с.
16. Изюмова Л.В. Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России). Вологда : Изд-во ВГПУ, 2010. 175 с.
17. Милохин Д.В. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в послевоенные годы, 1946–1958 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999. 322 с.
18. Чернышева Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2012. 203 с.
19. Конышев Д.Н. Демографические процессы и аграрное производство в вятской деревне в 1939–1945 гг. // Власть. 2018. № 3. С. 96–102.
20. Конышев Д.Н. Демографические процессы и трудовые ресурсы села в 1945–1964 годах (на материалах Волго-Вятского региона) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2018. № 3. С. 54–68.
21. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 г.: Аграрное освоение и демографические процессы в России в X–XXI вв. / отв. ред. Е.Н. Швейковская. Москва ; Уфа, 2016. 523 с.
22. Вишевский А.Г. Серп и рубль. М. : ОГИ, 1998. 432 с.
23. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М. : Наука, 1992. 254 с.
24. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1290. Оп. 6. Д. 276.
25. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР. М., 1949 С. 40–41.
26. Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооружённых Сил / Г.Ф. Кривошеев. М. : Олма-пресс, 2001.
27. Всероссийская книга Памяти 1941–1945 гг. Обзорный том. М. : Воениздат, 1995. 542 с.
28. Книга Памяти Вологодской области. Заключительный том. Вологда : Изд-во Вологод. ин-та развития образования, 1999. 349 с.
29. Загвоздкин Г.Г. В битве за Отечество. 1941–1945 гг. // Энциклопедия земли Вятской. История. Киров, 1995. Т. 4. С. 393–408.
30. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 36.
31. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // СПС «Консультант Плюс».
32. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 20. Д. 451.
33. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 70.
34. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1369.
35. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1683.
36. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
37. Пихоя Р.Г. Под знаком Сталина. М. : Олимп, 2009. 253 с.
38. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 24. Д. 589.
39. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 138. Д. 225.
40. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 257.
41. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32 А. Д. 8212.
42. ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 37. Д. 709.
43. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6. Д. 6481.
44. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1685.
45. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 223.
46. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 225.
47. Население России в XX веке: исторические очерки. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 2. 414 с.
48. Нечипас Ю.В. Эволюция аграрной политики СССР в 1945–1984 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
49. Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов–50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М. : РГГУ, 1996. С. 416–436.
50. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 21. Д. 57.
51. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1756.
52. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 587.
53. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 сентября 2020 г.

Labor Resources of the Northern Village in 1939–1959 (Based on the Materials of Vologda and Kirov Oblasts)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 147–153.

DOI: 10.17223/15617793/470/17

Olga V. Ilina, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: kema-rodina@yandex.ru

Denis N. Konyshev, Volga-Vyatka Institute of the Kutafin Moscow State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: denis-konyshev@mail.ru

Keywords: peasantry; village; labor resources; demography; population.

The article attempts to show changes in the number and composition of the rural population of Vologda and Kirov Oblasts during the period of history crucial for the village, the key event of which was the Great Patriotic War. To analyze the demographic processes that took place in Vologda and Vyatka villages, a wide range of sources were used, based on published and archived statistical materials. The published data include the all-Union population censuses of 1939 and 1959, which contain information about the total number of inhabitants of the regions and show the rate of urban and rural population. Information about the number of citizens mobilized to the front and those who died during the war years is taken from the federal and regional memorial books. Data from reports of civil registry offices and resettlement departments allowed characterizing changes in the natural migration of the rural population from the village to the city. The annual reports of the collective farms helped to form an idea of transformations of the working-age population and the gender and age composition of the villagers. The analysis of the presented sources allowed drawing the following conclusions. By the early 1940s, in the majority of the country's regions, including the areas under study, the rural population dominated, and their agricultural specialization determined their belonging to the collective farm system. The usual way of life was disrupted by the war, most of the citizens mobilized to the front were called up from rural areas. This situation had a negative impact on the village labor resources. In the village, there was a shortage of male workers, which was compensated by increasing the burden on women, children, and the elderly to meet the state agricultural indicators. The reduction of labour force affected the quality of work leading to delays in its timely completion. The end of the war and the Red Army demobilization could not fill the village labor resources as many men perished on the war fronts. The state policy in the post-war emergency period did not change in relation to the village, which continued to be used as a labor and raw material resource for urban reconstruction and development. The rural residents' active migration in the post-war period led to a further reduction in the population of rural settlements. The reduction of rural labor and the state policy of enlarging collective farms contributed to the formation of a new settlement pattern, demonstrating the decay of small villages. Disintegration of the peasantry in villages, which collectivization had started, entered the final straight in the 1940s–1950s.

REFERENCES

1. Volkov, I.M., Notkin, B.I. & Denisov, Yu.P. (1978) *Sovetskaya derevnya v pervye poslevoennye gody 1946–1950* [Soviet village in the first post-war years 1946–1950]. Moscow: Nauka.
2. Volkov, I.M. (ed.) (1988) *Istoriya krest'yanstva SSSR. Krest'yanstvo v gody uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva, 1945 – konets 50-kh godov* [History of the peasantry of the USSR. The peasantry in the years of consolidation and development of socialist society, 1945 – late 1950s]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
3. Danilov, V.P. (ed.) (1970) *Sovetskoe krest'yanstvo: kratkiy ocherk istorii (1917–1969)* [The Soviet peasantry: a short essay on history (1917–1969)]. Moscow: Politizdat.
4. Arutyunyan, Yu.V. (1970) *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka.
5. Isupov, V.A. (2000) *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic disasters and crises in Russia in the first half of the twentieth century: historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
6. Zhiromskaya, V.B. (2012) *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The main trends in the demographic development of Russia in the twentieth century]. Moscow: Kuchkovo pole, Soyuz semey voennoslužhashchikh Rossii.
7. Verbitskaya, O.M. (1992) *Rossiyskoe krest'yanstvo: ot Stalina k Khrushchevu. Seredina 40-kh – nachalo 60-kh godov* [Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev. Mid-1940s – early 1960s]. Moscow: Nauka.
8. Verbitskaya, O.M. (2002) *Naselenie rossiyskoy derevni v 1939–1959 gg.: Problemy demograficheskogo razvitiya* [The population of the Russian countryside in 1939–1959: Problems of demographic development]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
9. Zima, V.F. (1996) *Golod v SSSR 1946–1947 gg.: proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR in 1946–1947: origin and consequences]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
10. Denisova, L.N. (2011) *Russkaya krest'yanka v sovetskoy i postsovetskoy Rossii* [Russian peasant woman in Soviet and post-Soviet Russia]. Moscow: Novyy khronograf.
11. Mazur, L.N. & Brodskaya, L.I. (2006) *Evolutsiya sel'skikh poseleniy srednego Urala v XX veke: opyt dinamicheskogo analiza* [Evolution of rural settlements in the middle Urals in the 20th century: the experience of dynamic analysis]. Yekaterinburg: Ural State University.
12. Kornilov, G.E. (2012) *Migratsionnoe dvizhenie i formirovanie naseleniya Urala v pervoy polovine XX v.* [Migration movement and the formation of the population of the Urals in the first half of the twentieth century.]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Bulletin*. 2. pp. 48–57.
13. Kornilov, G.E. (2016) *Demograficheskaya situatsiya v Ural'skoy derevne v poslevoennye gody* [Demographic situation in the Ural village in the post-war years]. In: *Naselenie Rossii: istoriko-demograficheskoe izmerenie* [Population of Russia: historical and demographic dimension]. Moscow: Institute of Russian History, RAS. pp. 196–202.
14. Gorbachev, O.V. (2002) *Na puti k gorodu: sel'skaya migratsiya v Tsentral'noy Rossii (1946–1985 gg.) i sovetskaya model' urbanizatsii* [Towards the City: Rural Migration in Central Russia (1946–1985) and the Soviet Model of Urbanization]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
15. Il'ina, O.V. (2011) *Demograficheskie protsessy v derevne Evropeyskogo Severa Rossii v 1940–1950-e gg.* [Demographic processes in the villages of the European North of Russia in the 1940s–1950s]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
16. Izyumova, L.V. (2010) *Stratifikatsiya kolkhoznoy derevni v 1930–1960-e gg. (po materialam Evropeyskogo Severa Rossii)* [Stratification of the collective farm village in the 1930s–1960s (based on materials from the European North of Russia)]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
17. Milokhin, D.V. (1999) *Kolkhozy i kolkhoznoe krest'yanstvo Komi ASSR v poslevoennye gody, 1946–1958 gg.* [Collective farms and collective farm peasantry of the Komi ASSR in the postwar years, 1946–1958]. History Cand. Diss. Syktyvkar.
18. Chernysheva, N.V. (2012) *Sotsial'no-demograficheskie protsessy v Kirovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Socio-demographic processes in Kirov Oblast during the Great Patriotic War]. Kirov: Vyatka State Humanities University.

19. Konyshov, D.N. (2018) Demographic Processes and Agricultural Production in Vyatka Village in 1939–1945. *Vlast' – The Authority*. 3. pp. 96–102. (In Russian).
20. Konyshov, D.N. (2018) Demographic Processes and Labor Resources in Rural Areas in 1945–1964 at the Materials of the Volga-Vyatka Region. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 3. pp. 54–68. (In Russian).
21. Shveykovskaya, E.N. (ed.) (2016) *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2016 g.: Agrarnoe osvoenie i demograficheskie protsessy v Rossii v X–XXI vv.* [Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. 2016: Agrarian development and demographic processes in Russia in the 9th–21st centuries]. Moscow; Ufa: Institute of Slavic Studies, RAS.
22. Vishevskiy, A.G. (1998) *Serp i rubl'* [Sickle and ruble]. Moscow: OGI.
23. Anon. (1992) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: Osnovnye itogi* [All-Union Population Census of 1939: Main Results]. Moscow: Nauka.
24. State Archive of Socio-Political History of Kirov Oblast (GASPIKO). Fund 1290. List 6. File 276.
25. RSFSR. (1949) *Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke RSFSR* [Code of laws on marriage, family and guardianship of the RSFSR]. Moscow: USSR AS. pp. 40–41.
26. G.F. Krivosheev, G.F. (2001) *Rossiia i SSSR v voynakh XX veka: Poteri Vooruzhennykh Sil* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century: Losses of the Armed Forces]. Moscow: Olma-press.
27. Anon. (1995) *Vserossiyskaya kniga Pamyati 1941–1945 gg. Obzornyy tom* [All-Russian Book of Memory of 1941–1945. Overview Volume]. Moscow: Voenizdat.
28. Anon. (1999) *Kniga Pamyati Vologodskoy oblasti. Zaklyuchitel'nyy tom* [Book of Memory of Vologda Oblast. Final Volume]. Vologda: Vologda Institute of Education Development.
29. Zagvozdkin, G.G. (1995) V bitve za Otechestvo. 1941–1945 gg. [In the battle for the Homeland. 1941–1945]. In: tatarenkova, L.S. (ed.) *Entsiklopediya zemli Vyatskoy. Istoriya* [Encyclopedia of Vyatka Land. History]. Vol. 4. Kirov: Vyatka. pp. 393–408.
30. State Archive of Socio-Political History of Kirov Oblast (GASPIKO). Fund 1290. List 10. File 36.
31. Consultant Plus. (1942) *Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of April 13, 1942, No. 508: On increasing the mandatory minimum workday for collective farmers*. Moscow: SPS "Konsul'tant Plus".
32. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-310. List 20. File 451.
33. State Archive of Socio-Political History of Kirov Oblast (GASPIKO). Fund 1290. List 1. File 70.
34. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 1562. List 324. File 1369.
35. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund R-2344. List 2. File 1683.
36. Zubkova, E.Yu. (1999) *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Postwar Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
37. Pikhoya, R.G. (2009) *Pod znakom Stalina* [Under the sign of Stalin]. Moscow: Olimp.
38. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 24. File 589.
39. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 138. File 225.
40. State Archive of Socio-Political History of Kirov Oblast (GASPIKO). Fund 1290. List 10. File 257.
41. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 32 A. File 8212.
42. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund R-2344. List 37. File 709.
43. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 259. List 6. File 6481.
44. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7486. List 4. File 1685.
45. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 138. File 223.
46. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 138. File 225.
47. Polyakov, Yu.A. (ed.) (2001) *Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki* [The population of Russia in the twentieth century: historical essays]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
48. Nechipas, Yu.V. (2005) *Evolutsiya agrarnoy politiki SSSR v 1945–1984 gg.* [The evolution of the agrarian policy of the USSR in 1945–1984]. History Dr. Diss. M.
49. Ivanov, N.S. (1996) Raskrest'yanivanie derevni (seredina 40-kh godov–50-e gody) [Disintegration of the peasant class in the countryside (mid-1940s–1950s)]. In: *Sud'by rossiyskogo krest'yanstva* [Fates of the Russian peasantry]. Moscow: RSUH. pp. 416–436.
50. State Archive of Socio-Political History of Kirov Oblast (GASPIKO). Fund 1290. List 21. File 57.
51. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7486. List 4. File 1756.
52. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 24. File 587.
53. Chuprova, Yu.S. (ed.) (1963) *Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 goda. RSFSR* [Results of the 1959 All-Union Population Census. RSFSR]. Moscow: Gosstatizdat.

Received: 17 September 2020